

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД. СЛОЖНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ

– Для чего живет человек на земле? Скажите!
– Да как же так сразу? — смутилась Федосья Ивановна. — И потом — где живет?.. Ежели у нас, в Смоленской губернии, это одно...
А ежели в Тамбовской — другое...

Г. Горин. Формула любви.

Работу историков нередко сравнивают с процессом сборки пазлов. Увлеченные этим занятием люди обычно ставят перед собой картинку-образец и высыпают детали на стол. Если их много — более пятисот — то к этой работе можно подключить всю семью. Сверяясь с образцом, начинают искать детали, образующие рамку. Остальное зависит от числа деталей, усидчивости участников, слаженности работы команды. Однако в последние годы на рынке пазлов появились новинки: например, *crazy shapes*, в которых и нарезка деталей «кривая», и главное — рамка отсутствует. Это очень близко к тому, с чем мы столкнулись. Только для полноты аналогии представим, что картинка-образец потеряна и каждый из сборщиков руководствуется собственной памятью.

И действительно, пока есть общее представление, какой должна получиться картина, и в какую рамку мы должны ее вписать, мы можем справиться с задачей, подобрав место и для общины английского монастырского города, и для парижской университетской корпорации, и для стрелковой гильдии, не говоря уже о реймских сапожниках и перчаточниках, соединив их через выявление взаимодополняющих и похожих свойств. К таковым могут быть отнесены наличие присяги, или установленная процедура выборов должностных лиц, или совместное почитание святого-покровителя. Но рамки нет, картинку убрали, а перед нами множество разнообразных объектов, и непонятно, как их состыковывать друг с другом. Только и остается доставать из коробки каждый по очереди, любуясь его уникальностью.

Но по мере знакомства с ними все более отчетливо проявляется некоторое общее свойство, которое выделяет изучаемые

сообщества в ряду множества других элементов социальной стратификации. Причем это свойство проявляют многие коллективы, которые не обозначены в текстах особым словом или термином. Нередко социальная группа существует вполне реально и даже различима в источниках, но «терминологическая определенность» приходит к ней задним числом. С другой стороны, есть множество социальных категорий, встречающихся в текстах законов или на страницах хроник, которые ни разу не проявили себя в качестве общности, сознающей свое единство и способной к организованному совместному действию. Поэтому наименование, маркирующее какую-то группу людей, важный, но не универсальный признак сообщества.

Единственное, чем мы можем уверенно оперировать, — сведения об организованной деятельности какой-либо группы. Причем это должно быть не единичное упоминание, а целая серия разновременных фактов. И такое общее свойство — способность к самоорганизации, свидетельства которой мы обнаруживаем в источниках.

Если имеющиеся у нас сведения образуют некую последовательность, то этого достаточно, чтобы доказать действительное существование сообщества и показать его эволюцию. При таком подходе ответ на вопрос о моменте возникновения сообщества теряет принципиальную важность. Ведь о нем долгое время шли споры в историографии. Некоторые историки считали, что подобные сообщества существовали постоянно со времен поздней античности. Другие указывали — и, возможно, небезосновательно — на истоки общностей в каролингской эпохе. А третьи намекали на происхождение гильдий от раннесредневековых союзов странствующих купцов, понимая при этом слово «гильдия» весьма широко. Возможно, что правы все и что раннесредневековое общество было нашпиговано самоорганизующимися сообществами, однако они не оставили следов в источниках, и поэтому у нас нет возможности ни изучить их, ни даже представить убедительное обоснованную ретроспективную реконструкцию.

Сообщества, сколь бы разнообразными они ни были, возникают в поле зрения авторов средневековых текстов во второй половине XI в. и уже никуда не исчезают. Их становится все больше; сначала они появляются в темпе адажио, потом анданте, в XIII в. это уже аллегро, а в XIV и XV столетиях

наступает крещендо. А это значит, что организованных сообществ много, они разные, чаще всего они формализованы и, наконец, без них невозможно представить существование средневекового города.

Несмотря на многочисленные и глобальные перемены в социальном устройстве, происшедшие в постсредневековом мире, все же современные корпорации свой идеальный портрет копируют с тех лекал, которые возникли в Средние века. Иногда это вполне оправданно, как в случае с университетами и академическими структурами в целом. Их формы были найдены эмпирически магистрами и студентами в конце XII — начале XIII вв. Иногда это родство, скорее, фиктивное (транснациональные корпорации, профсоюзы и т.п.). Но важно другое — в большинстве случаев, когда возникает референция «средневековая корпорация», она имеет расширительное толкование: подразумевается вся, как минимум тысячелетняя, средневековая история, хотя в действительности речь идет лишь о периоде, который мы определили как крещендо, или о последних двух-трех веках Средневековья.

Итак, для нас важным критерием является «информационный шум», вернее, изменение его интенсивности, связанное с изучаемым сообществом. При этом не следует забывать о необходимости различения действующих организованных социальных групп и социальных категорий, присутствующих лишь в воображении хрониста или законодателя.

Мы предполагаем, что удобным критерием является оформление границ сообщества, как территориальных, так и иных. Создание территориальной границы — возведение стены, установка межевых знаков и ориентиров — одновременно формирует сообщество и зримо отделяет его от внешней среды. Через историю этих артефактов можно показать и становление сообщества.

Различные границы — социальные, юридические, символические, сакральные — оказываются в центре нашего исследования. Их редко удается изучать как раз и навсегда сформировавшийся объект, они существуют только в динамике и требуют постоянной верификации.

Как известно, кладом для археолога является помойка, а для историка кладом является скандал. В большинстве случаев именно в конфликтных ситуациях сообщества заявляют о себе в полный голос. Конфликты создают напряжение

нормы, выявляя отношения и коллизии, в рутине повседневной жизни скрытые от глаз наблюдателя.

Мы не будем говорить о структурных сдвигах, порождавших средневековые сообщества, хотя гипотез существует много. Для нас важнее отметить, что в Средние века сложилась определенная модель развития общности, предполагающая публичную фиксацию статуса в той или иной форме. Высшим достижением на этом пути стало получение письменно фиксированной привилегии или составление устава. Это, конечно, было обусловлено развитием соответствующих информационных возможностей. Прежде всего, появляются слова, которыми описываются интересующие нас объекты. Вопреки распространенному мнению это еще не термины с устоявшимся, строго определенным значением. Их смысл контекстуально обусловлен — он определяется широким спектром обстоятельств: от местных политических коллизий до кругозора и образования автора текста. Затем, с ростом частотности употребления, они обретают более четко очерченный круг значений. Этому способствовало быстрое и даже иногда взрывное развитие юридической мысли, как в форме нормативных текстов и трактатов, так и в форме интерпретации событий и фактов через формулы документов. Таким образом складывается насыщенная информационная среда. Университетам, капитулам, ремесленным корпорациям, возникшим в последние столетия Средневековья, не нужно было долго искать формы своей организации — они могли воспользоваться уже существующими примерами. Это не приводило к тотальной унификации, каждое сообщество обладало достаточными возможностями для выражения собственной самобытности. Но эта богатая палитра возможностей имела не очень удобное для историка следствие. Нередки были случаи, когда в источниках фигурируют сообщества со всем необходимым набором признаков, которые оказывались либо «пустышкой» (вспомним неудачные попытки насадить организованное ремесло во фландрском городе Ло), либо «эмбрионом», как Университет в Кракове, основанный в 1364 г., но реально начавший свою деятельность с 1400 г.

Эта же информационная среда, по-видимому, повинна в том, что внутренне непротиворечивая классификация городских сообществ, построенная на функциональном принципе, вряд ли возможна. Вроде бы одни сообщества имели

ярко выраженные производственные функции, другие обладали каритативными функциями, третьи были призваны обеспечить порядок и оборону города. Многие сообщества имели характер свободного клятвенного союза, другие таковыми не являлись, как, например, церковный приход. Но все они, начиная с какого-то момента своего существования, играют по одинаковым правилам. То есть выбирают своих должностных лиц, почитают святого-патрона и обзаваются различными реликвиями, помогают бедным, имеют общую кассу, являют себя городу во время праздничных шествий и, конечно же, собираются на совместные пиры, неизменно осуждаемые властями.

Иначе говоря, существует *gestalt*, и он позволяет нам, не забывая о разных типах вариативности, проследить определенные устойчивые последовательности. Например, мы можем увидеть сходство в деятельности фландрских стрелковых гильдий и ливонских братств Черноголовых, являвшихся одновременно и военной организацией, и рекреативной корпорацией, организующей «спортивные состязания» и городские праздники. В конце концов, это был один культурный ареал, один хронологический период и экономически единый регион, связанный северной морской торговлей и «прошитый» личными контактами. Достаточно вспомнить представителей ревельского братства Черноголовых. Они отправились в Брюгге заказывать ретабло для своей капеллы, а мастер среди прочего изобразил несколько десятков коленопреклоненных братьев, придав им индивидуальные черты, которые позволяют считать их портретами членов делегации. Однако вряд ли существовали интенсивные личные контакты между жителями ливонских и итальянских городов. Но североитальянские контрады — административно-территориальные и военные объединения местных жителей — демонстрируют ту же эволюцию: военные функции дополняются или даже вытесняются развлекательными. Достаточно вспомнить знаменитое сиенское Палио, до сих пор организуемое контрадами.

То, что мы подчеркиваем невозможность функциональной классификации городских сообществ, вовсе не означает, что мы отрицаем функциональную нагрузку этих сообществ, социальную обусловленность их возникновения и функционирования и прагматические резоны их существования.

Мы не ставили специальной задачи исследовать эти проблемы, исходя из того, что они неплохо разработаны в историографии. Однако проведенные исследования могут служить основой для последующих изысканий. Так, например, можно задаться вопросом о взаимосвязи эволюции систем родства и особенностях формирования городских сообществ. Первое, что бросается в глаза, — это хронологическое совпадение усиления социальной роли малой семьи (при соответственном ослаблении других родственных связей) и стремительный рост числа всевозможных сообществ. Некоторые из них вполне эксплицитно брали на себя роль новой «большой семьи». В других случаях родство подразумевается имплицитно, воплощаясь в различного рода метафорах — братской любви, братской взаимопомощи и т.д.

Конечно, значимость малой семьи в крупных городах росла очень постепенно; параллельно с этим сохранялась, а временами усиливалась роль патрицианских линияжей. Общеизвестна также роль консортерий в итальянских городах. Но любопытно, что и консортерии вели себя подобно другим городским сообществам (есть сведения об уставах и внутреннем правовом регулировании в консортериях), а патрицианские линияжи оказывались включенными в городские общности разных уровней и типов.

При этом вполне очевидно, что эволюция городских сообществ не должна рассматриваться отдельно от общего духовного климата и религиозных исканий в Западной Европе после Тысячного года. Сколь бы ни были сильны социальные, хозяйственные и даже социально-антропологические причины формирования городских сообществ, не следует забывать, что их неотъемлемой частью были поиски путей коллективного и индивидуального спасения. Тут мы можем наблюдать сходство логики развития средневековых монашеских и других церковных общин (вспомним о средневековой истории каноников) и городских сообществ. Декларируемая в подавляющем числе случаев братская любовь как основополагающий принцип отношений внутри общины/сообщества — это не только метафора реальных родственных отношений, но и отсылка к базовым христианским ценностям. И к этому же присоединяется неременная помощь бедным, совместная молитва в собственной часовне или капелле и формирование особых практик благочестия,

поминовение умерших членов сообщества («нерасторжимое сообщество живых и мертвых», исследованное О. Эксле). Важно подчеркнуть, что роль этих функций, вероятно весьма существенная в момент возникновения сообщества, с течением времени не ослабевала, а усиливалась, и иногда их начинали воспринимать как основные. Достаточно вспомнить укрепление культа святых-патронов, пресловутую «охоту за реликвиями», расцвет религиозных процессий. Не случайно в литературе возник термин «корпоративный католицизм». Коллективное благочестие представлялось залогом спасения души. Корпоративный католицизм достигает своего апогея в начале XVI в. и затем становится главной мишенью атак со стороны реформаторов разного толка. Мартин Лютер со свойственной ему резкостью суждений обвинил современные ему братства в том, что их цель — не спасение души, а организация бессмысленных попок.

Городские самоорганизующиеся сообщества приспособились к новым условиям, обрели второе дыхание, сохранили, а иногда даже и приумножили свое социальное значение. Но это происходило уже в другую эпоху...